

РОМАН «ДЫМ» ТУРГЕНЕВА В ОЦЕНКЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

*Работа представлена кафедрой историко-культурного наследия
Орловского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Г. Б. Курляндская

В статье излагается объективное идейно-эстетическое содержание романа «Дым» и анализируется психологическое искусство писателя. Тургенев представлен как либерал-постепеновец, борющийся за распространение просвещения среди народа.

The article reveals the objective ideological and aesthetic content of the novel «Smoke» by I. Turgenev and the writer's psychological works. Turgenev is represented in the article as a liberal progressive man working for public education spreading.

В литературоведении некоторое время наблюдался перекося в истолковании идейного содержания «Дыма», когда «гейдельбергским арабескам» предавалось преувеличенное значение, а сами они рассматривались как яркое выражение либерализма Тургенева. Преобладало мнение Ю. Г. Оксманна, что «гейдельбергские арабески» – памфлет против лондонской эмиграции (и многие ученые считали Губарева прототипом Огарева). Утвердилась мысль о «Дыме» как о самом русском произведении Тургенева, рассматриваемом только в плане пародии на Герцена, Огарева и их друзей¹.

«Гейдельбергские арабески» долгое время считались наиболее спорной частью романа, поскольку ученые высказывали противоположные точки зрения об их политическом смысле. Не согласны были литературоведы в основном относительно полемических целей тургеневской сатиры, обращенной против руководителей «Современника» и «Колокола».

И. И. Векслер считал, что роман обращен той своей памфлетной частью, которую сам Тургенев назвал «гейдельбергскими арабесками», «против теории Герцена и Огарева, обосновавшей народничество», и именно о ней идет речь в романе, а не о

«второстепенном явлении», не о «славянофильском социализме». Ученый убеждает, что образ Губарева – выпад против Огарева, демонстрирующий антипатию Тургенева к нему: «В «бесталанные, косноязычные, сбивчивые» речи Губарева Тургенев вложил все, с чем он спорил, что ненавидел в воззрениях Герцена и Огарева»².

П. Г. Пустовойт, отмечая пристальное наблюдение писателя за русским освободительным движением (и в том числе за революционной эмиграцией), находит, что роман «Дым» возник из полемики Тургенева с революционной эмиграцией в 60-х гг. XIX в. и указывает на критическое отношение писателя к русской молодежи, учившейся в Гейдельберге и находившейся под мощным влиянием Герцена и Огарева. По мнению ученого, в романе «Дым» получила отражение в образе Губарева критика Тургеневым Огарева, а невзрачное изображение членов губаревского кружка воспроизвело последователей лондонских эмигрантов³.

Этому мнению противостоит точка зрения, впервые высказанная в 1947 г. Г. А. Бялым. Он утверждает, что «Дым» содержит лишь косвенное осуждение Герцена и Огарева; основной же удар направлен против мнимых единомышленников

Герцена⁴. Точку зрения Г. А. Бялого разделяют А. Б. Муратов, А. И. Батюто, С. М. Петров, Л. С. Радек, Г. Э. Винникова.

А. Б. Муратов, подобно Г. А. Бялому, оценивает значение «вставного эпизода» как выпад против мнимых «революционеров», против революционной «накипи», чья деятельность проявлялась в бесполезной шумихе. Точку зрения Г. А. Бялого поддерживает А. Б. Муратов исследованием состава русской колонии в Гейдельберге. Он делает вывод о том, что непосредственными прототипами в «Дыме» послужили члены русской колонии в Гейдельберге.

А. Б. Муратов, соглашаясь с Г. А. Бялым, считает, что сопоставление образов губаревского кружка с Герценом и Огаревым неправомерно. Тургенев имел в виду лишь временно присоединившихся к революционному движению⁵.

Большое внимание значению «гейдельбергских арабесок» в романе и спору о прототипе Губарева уделяет А. И. Батюто. Ученый разделяет точку зрения Г. А. Бялого, выраженную в его статье «Дым в ряду романов Тургенева». А. И. Батюто считает, что карикатурно-сатирическое изображение гейдельбергских «псевдореволюционеров», разоблачение их «мнимого» демократизма, «срывание масок с самодовольно-деспотического невежества и наглого ренегатства... свидетельствовало о презрении к плеведам в демократическом движении», что писатель высмеял «случайных союзников Герцена, людей политически и морально неустойчивых, лишь до поры до времени кокетничающих герценовскими идеями», а потом предающих⁶.

В 60-е гг. XIX в. кружки «губаревского типа» были весьма распространенным явлением, и Тургенев в «Дыме» достиг его художественного обобщения. Вслед за Г. А. Бялым Г. Э. Винникова утверждает, что в «Дыме» место Герцена и Огарева заняли вульгаризаторы их идей, а удар Тургенева оказался обращенным не против «лондонской», а против «гейдельбергской» эмигра-

ции, для большинства которой был характерен показной, мнимый «герценизм». Исследовательница не соглашается с теми, кто считал, что в романе за Губаревым стоит Огарев. Если даже в начале работы над «Дымом» Тургенев и намеревался в лице Губарева показать Огарева, то он этого не сделал. Губарев – собирательный образ⁷.

Л. С. Радек разделяет наметившуюся тенденцию ослабить тонкости «антигерценовского элемента» в «Дыме», находит неубедительными попытки критиков считать Герцена и Огарева прототипами персонажей романа, утверждает, что «о буквенном сходстве не может быть и речи». Он считает справедливым предположение, что изначально Тургенев собирался шаржированно осветить в романе взгляды Герцена и Огарева, но впоследствии отказался от этой мысли, иронически, в тонах памфлета показав «кастовую замкнутость и кружковую ограниченность их незадачливых последователей не из лондонской, а гейдельбергской эмиграции», и выразил свое «крайне скептическое отношение к славянофильским официальным теориям, деятельности различных фракций и группировок, которые представлялись ему, человеку искусства, в равной мере сомнительными и бесперспективными»⁸.

Таким образом, в работах Г. А. Бялого, А. Б. Муратова, А. И. Батюто, Л. С. Радека, Г. Э. Винниковой идейное содержание «Дыма» нашло свое объективное освещение, без преувеличения одних и недооценки других его сторон и в связи с основами тургеневского мировоззрения на рубеже 1860–1870 гг.

«Дым» не укладывался в схему классического тургеневского романа. Сатирические мотивы, играющие важную роль в «Дыме», на первый взгляд были похожи на отступления.

В литературе о «Дыме» преобладало мнение, восходящее к комментариям Л. В. Пумпянского, о композиционной неслаженности романа, в котором «гейдель-

бергские арабески» будто бы представляют чисто полемический и не связанный с основным содержанием романа материал. Л. В. Пумпянский находит в «Дыме» распад жанра романа в творчестве Тургенева, сочетание в нем «любовной новеллы с двумя политическими памфлетами и одной политической идеологией»⁹. Тезис о падении романного творчества Тургенева ныне отвергнут всеми исследователями. Но бесспорными остаются особый характер «Дыма», его новые идейно-художественные принципы.

Что касается психологического мастерства Тургенева, то о нем писали А. П. Скафтымов, Г. А. Бялый, А. Г. Цейтлин, Г. Б. Курляндская, В. Сквозников, И. А. Винникова, С. Е. Шаталов, П. Г. Пустовойт, Е. В. Тюхова, О. Г. Осмоловский, Е. М. Конышев.

Художественно-психологический метод Тургенева основательно изучен в современной науке: постигнута специфика психологического искусства Тургенева, его философско-эстетические основы, обозначены эволюция и жанровая специфика, намечены и линии сопоставления с психологизмом Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и некоторых других писателей.

Положения Н. Г. Чернышевского о формах психологического анализа прочно вошли в сознание ученых. Традиции Н. Г. Чернышевского были продолжены А. П. Скафтымовым. Ученый придает большое значение мирозерцанию писателя, ставит проблему личности, считая, что психологический анализ зависит от концепции личности¹⁰.

Тургенев был близок Пушкину в стремлении к психологическому правдоподобию, к созданию сложного противоречивого характера и вместе с тем в неприязни к психологической детализации, в раскрытии характеров на основе внутренней логики их собственного развития. Вместе с тем, как мы полагаем, Тургенев психологизировал свой рисунок, заострив внимание на внут-

ренней противоречивой жизни человека и обнаружил новые средства ее выражения: элементы внутреннего монолога, самораскрытия, авторской психологической характеристики, идеологический спор на актуальную тему. Напрашивается вывод, что Тургенев психологизировал портрет, пейзаж и весь стиль в целом, сохранив ответственность его реализма, точность называния предметов.

«Прозрачная ясность и четкость изображения», «лаконизм и сдержанность», «соблюдение естественных пропорций и чувство меры» составляют характерные свойства тургеневской манеры психологического изображения героев. Основанием принципа «тайной психологии», по мысли Г. Б. Курляндской, служит убеждение Тургенева в непознаваемости глубинной сущности человека¹¹.

А. Г. Цейтлин, цитируя Н. Г. Чернышевского: «...одного поэта занимают более всего очертания характеров; другого – влияние общественных отношений и житейских столкновений на характеры; третьего – связь чувств с действиями», делает вывод, что Тургенева «по преимуществу» занимает выполнение первых трех задач психологического анализа. Ученый находит у Тургенева слабую творческую связь с такими мастерами русского психологического романа как Л. Толстой и Достоевский. Однако А. Г. Цейтлин не выражает той мысли, что типические характеры Тургенева, в особенности положительные, имеют также общечеловеческое содержание. По его наблюдению, основным для писателя Тургенев считал раскрытие внутреннего духовного мира человеческой личности. Создавая их, Тургенев, естественно, опирался – по мысли исследователя – на традиции Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Ученый считает Тургенева создателем типических характеров, социально исторически обусловленных, однако игнорирует общечеловеческое содержание в личности тургеневских героев¹².

Г. А. Бялый, в противовес А. Г. Цейтлину, выявляет общечеловеческое содержание тургеневских характеров, интересуется их природными и таинственными силами. Он согласен с А. Г. Цейтлиным, считая, что «диалектика души» не только не занимает Тургенева, но кажется ему подготовительной работой художника, недостойной внимания читателя¹³.

П. Г. Пустовойт сопоставляет творческие методы двух таких разных художников, как Тургенев и Достоевский, и делает вывод, что при создании своих художественных образов оба писателя «шли противоположными путями»¹⁴. Ученый также считает Тургенева «тайным психологом».

В сравнительном плане психологический анализ в романах Тургенева 50–60-х гг. XIX в. рассматривался в статьях Е. М. Кобышева¹⁵ и Е. В. Тюховой¹⁶.

К специальному рассмотрению психологического метода в последних романах писателя обратилась И. А. Винникова¹⁷. Она находит, что Тургенев воспроизводит в «Дыме» самую «диалектику души», которую обычно изображал Л. Н. Толстой. С. Е. Шаталов¹⁸ соглашается с И. А. Винниковой: они считают формой психологического анализа позднего Тургенева «диалектику души». Их опровергает Г. Б. Курляндская, которая считает, что идейно-художественное расхождение Тургенева и Толстого и состоит в различном изображении процесса познания действительности. Ученый констатирует эволюцию психологизма Тургенева. Она наблюдает, что последние два романа по степени психологизации повествования значительно отличаются от первых четырех: психологический анализ в «Дыме» и «Нови» усложняется благодаря обращению автора к приему внутреннего монолога при изображении духовно-психологической драмы (борьбы противоположных начал: взглядов и натуры, разума и влечения, мысли и чувства) Литвинова и Нежданова. Самосознание героев делается ведущей особенностью психологизма писателя.

У «позднего» Тургенева основной формой психологического анализа по-прежнему остается борьба противоположных начал в герое, а не «диалектика души». И «поздний» Тургенев изображает не весь психический процесс, а его отдельные этапы, вершинные моменты, результаты процесса. Даже в тех случаях, когда писатель воспроизводит процесс движения мысли, чувства, он изображает его не по-толстовски. Однако теперь принцип изображения психологии «изнутри», а не «извне» становится ведущим и предметный психологизм отступает на второй план. Главную роль в раскрытии внутреннего мира персонажей играет внутренний монолог и «фиксированный психологизм» (термин С. Е. Шаталова). Внутренний монолог диалогизируется, выражая борьбу противоположных мотивов, противоречивую сложность сознания. Внутренние монологи воспроизводят непосредственную действительность сознания героя, более того, – сам психический процесс. И все же это не «диалектика души», ибо здесь нет «текучести», переходов «получувств», а есть борьба уже «готовых» антитетичных начал. Тургеневский внутренний монолог воспроизводит только высшую стадию внутренней речи – «внутреннее говорение», и, следовательно, он не становится формой выражения напряженных искажений личности, а только констатирует ее раздвоение.

Неизменные качества эстетического мышления писателя, на наш взгляд, это преимущественное внимание к завершающей стадии внутренней речи – к так называемому «внутреннему говорению» – вполне созревшим мыслям и чувствам. Это наблюдение позволило ученому сделать вывод, что «именно поэтому передача переживаний и размышлений героев у Тургенева не имеет ничего общего с той формой психологического анализа, которая известна под названием “диалектика души”»¹⁹.

Преобладающая форма психологического анализа в произведениях Тургенева –

выявление результатов тайно протекающего психического процесса, внешних движений внутренней жизни, столкновений между людьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оксман Ю. Г. Комментарии к роману «Дым» // Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. М.-Л.: Гослитиздат, 1930. Т. 9. С. 419–437.

² Векслер И. И. И. С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

³ Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. М.: Изд-во МГУ, 1980.

⁴ Бялый Г. А. «Дым» в ряду романов Тургенева // Вестник Ленинград. гос. ун-та. 1947. № 9. С. 88–102.

⁵ Муратов А. Б. И. С. Тургенев после «Отцов и детей». Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.

⁶ Батюто А. И. Тургенев ? романист. Л.: Наука, 1972.

⁷ Винникова Г. Э. Тургенев и Россия. М.: Советская Россия, 1986.

⁸ Радек Л. С. Герцен и Тургенев. Литературно-эстетическая полемика. Кишинев: Штиинца, 1984.

⁹ Пумпянский Л. В. «Дым». Историко-литературный очерк // Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. М.-Л.: ГИЗ, 1930. Т. 9. С. 5–20.

¹⁰ Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках. М.: Худож. лит., 1972.

¹¹ Курляндская Г. Б. Художественный метод Тургенева – романиста. Тула: Приокское кн. изд-во. Орлов. отд-ние, 1972.

¹² Цейтлин А. Г. Мастерство Тургенева – романиста. М.: Сов. писатель, 1958.

¹³ Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. М.-Л.: Советский писатель, 1962.

¹⁴ Пустовойт П. Г. Указ. соч.

¹⁵ Конышев Е. М. Психологический анализ и проблемы выбора (И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский) // Четвертый межвузовский тургеневский сборник / Отв. ред. А. И. Гаврилов, науч. ред. Г. Б. Курляндская. Орел, 1975. С. 168–183.

¹⁶ Тюхова Е. В. К проблеме «Тургенев и Достоевский»: об истоках концепций // И. С. Тургенев и современность: Междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения И. С. Тургенева: Доклады и сообщения 2–6 ноября 1993 г. / Науч. ред. П. Г. Пустовойт. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 74–81.

¹⁷ Винникова И. А. Тургенев в шестидесятые годы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1965.

¹⁸ Шаталов С. Е. Художественный мир Тургенева. М.: Наука, 1979.

¹⁹ Там же.